

—
Послание третьего принца, переданное Ань Цзинчжи, звучало так: «На банкете через семь дней надеемся, что господин Фу из семьи Цзинь сможет преподнести сюрприз».

Третий принц родился в императорской семье, чего он только не видел? Чтобы он почувствовал «сюрприз», Фу Мин полагал, что нужно быть необычным.

До банкета оставалось всего семь дней, времени было мало, и Фу Мин, приняв решение, почти каждый день работал до поздней ночи. Даже Цзинь И видел его только перед сном.

Присмотревшись к человеку, которого не видел весь день, при свете луны, Цзинь И с некоторым сожалением сказал: «Устал».

Фу Мин ответил: «Ничего страшного, как только банкет закончится, снова можно будет расслабиться».

Цзинь И спросил: «Чем ты занимался все эти дни? Получилось?»

Фу Мин с улыбкой ответил: «Я взял нескольких придворных музыкантов и танцовщиц из этого временного дворца, чтобы подготовить развлекательную программу. Времени было маловато, но, думаю, этого будет достаточно, чтобы произвести впечатление».

«О? Третий принц хоть и не так искусен, как ты, но обмануть его непросто».

Фу Мин снова улыбнулся: «Обычные музыка и танцы, конечно, не произведут впечатления. Но я подготовил кое-что невиданное для современников. Поскольку это нечто совершенно новое, думаю, оно должно освежить их восприятие».

Цзинь И, услышав это, тоже засмеялся: «Раз так, я ещё больше предвкушаю».

Дым рассеялся, солнце взошло. Фу Мин проснулся раньше Цзинь И, и когда Цзинь И открыл глаза, от Фу Мина в постели осталось лишь лёгкое тепло.

Они встретились вновь после полудня, в зале, где третий принц устраивал банкет.

Фу Мин сидел рядом с Цзинь И. После того как они заняли свои места, Цзинь И посмотрел на Фу Мина, а Фу Мин кивнул ему.

Когда третий принц со своей свитой занял места, все поклонились. После трёх кругов вина и пяти перемен блюд третий принц отложил чашу и палочки, улыбнувшись: «Все присутствующие здесь — мои друзья, а также столпы двора, выдающиеся личности среди гражданских и военных чиновников. Сегодня позвольте мне вновь насладиться вашим блеском!»

Третий принц был хорош в боевых искусствах. Он не только дружил с военными чиновниками при дворе, но и собирал под своим крылом выдающихся мастеров боевых искусств со всего мира. На этот раз он пригласил Цзинь И и ещё четверых военачальников, а также привёл множество искусных телохранителей. Первым развлекательным номером была стрельба из лука.

Среди военачальников был один по имени Ляо Пин, сын покойного великого генерала.

Двадцать лет назад генерал Ляо был послом в Северном Ляо и одержал победу в соревнованиях по стрельбе из лука, прославив свою страну, и до сих пор его вспоминают с похвалой.

Ляо Пин был хорошим отцом и хорошим сыном. Он также научился стрелять из лука в ивовый лист с расстояния в сто шагов, его стрелы никогда не промахивались, каждая попадала в цель. Все присутствующие постоянно восклицали от восхищения. Третий принц был очень доволен, пожаловал вино и подарки. Ляо Пин, довольный, посмотрел на Цзинь И.

Цзинь И предложил другим стрелять первыми. Следующие десять человек показали себя по-разному, хотя и не так хорошо, как Ляо Пин, но определённо не были заурядными. Третий принц неоднократно хвалил их и щедро одаривал.

Перед тем как Цзинь И должен был выйти на сцену, он обратился к третьему принцу: «Ваше Высочество, я хотел бы попросить у вас кое-что. Если моё выступление вас удовлетворит, не могли бы вы пожаловать мне один предмет?»

Третий принц с любопытством спросил: «Что же это за предмет, что так приглянулся тебе, Чанцзе?»

Цзинь И ответил: «Ваше Высочество, я слышал, что три года назад вы получили прекрасный цинь, изготовленный знаменитым мастером предыдущей династии. Я хотел бы просить у вас этот цинь».

Третий принц засмеялся: «Ах ты, Чанцзе! То, что я дарю другим, тоже весьма ценно, но этот цинь не сравнится. Ладно, я не ценитель музыки, но если ты сможешь превзойти генерала Ляо, этот цинь будет твоим!»

Ляо Пин продемонстрировал безупречное выступление, и чтобы превзойти его, нужно было проявить исключительное мастерство. Цзинь И принял решение. Собираясь уходить, он почувствовал, как его нижнее одеяние слегка потянули. Он опустил голову и встретил улыбающийся, ободряющий взгляд Фу Мина. Цзинь И понял, ответил улыбкой и широким шагом вышел на двор.

Слуга подал изогнутый лук, Цзинь И достал оперенные стрелы. Увидев это, все невольно затаили дыхание: три стрелы одновременно легли на тетиву, одновременно сорвались с неё и полетели в разные стороны. Почти слившиеся три звука пронзили воздух, и затем все посмотрели на мишени: все три стрелы попали в цель. И снова, натянув тетиву, он повторил это трижды, и все девять стрел надёжно вонзились в яблочко мишени, словно древний миф о стрельбе в солнце вернулся к жизни.

В зале тут же раздались оглушительные аплодисменты, не прекращаясь.

Взгляд Цзинь И отвлёкся от цели и первым делом устремился на Фу Мина. Фу Мин ни разу не смотрел на мишень, его взгляд был прикован к Цзинь И, который стоял во дворе, высокий и прямой, как сосна, с устойчивой и чёткой осанкой, с сосредоточенным и решительным выражением лица. Когда их взгляды встретились, оба почувствовали, что их сердца бьются сильнее, чем все аплодисменты в зале.

Смех третьего принца разбудил тех, кто был в задумчивости: «Хорошо, хорошо, хорошо! Чанцзе действительно удивил меня. Этот цинь, после возвращения в столицу, я немедленно прикажу доставить в поместье герцога Суй!»

Цзинь И поклонился в знак благодарности, вернулся на своё место. Их прижавшиеся друг к другу руки под столом сцепились, крепко сжимаясь.

Вскоре все снова подняли бокалы. После того как они выпили по одному, третий принц добавил: «Чанцзе обладает выдающимся воинским искусством, а супруг семьи Цзинь также весьма талантлив. На этот раз господин Фу тоже приготовил для нас развлекательную программу, и я уже не могу дождаться!»

Получив знак от третьего принца, Фу Мин поднялся и вышел на двор. Поклонившись, он сказал: «Обычные песни и танцы, полагаю, князь Синь (титул третьего принца) и все присутствующие уже привыкли к ним. На этот раз музыканты и танцоры представят не те песни и танцы, что существуют в нашей династии, а «Танец перьев и радужных одежд», составленный в своё время императором Минхуаном из династии Тан. Эта великая мелодия ныне утрачена, поэтому я не смог полностью её восстановить, но это лишь попытка подражания, чтобы вызвать у вас улыбку».

«Великая мелодия Тан?» У сидящих среди присутствующих знатоков музыки и танца, услышавших это, засияли глаза: «Ходят слухи о былом величии, это действительно вызывает предвкушение!»

Фу Мин хлопнул в ладоши, и как только звук затих, группа музыкантов, каждый со своим инструментом, вышла на сцену.

Сначала шла рассеянная прелюдия, состоящая в основном из чистой музыки. Мелодия витала в воздухе, увлекая внимательных слушателей в эпоху расцвета династии Тан.

Затем вышли певицы, которые пели в унисон с музыкой, словно тысячи ли земли внезапно ожили, а весенний ветерок коснулся земли, пробуждая её к жизни, дожидаясь, пока духи всех существ выйдут на сцену под тысячу призывов.

Голос пения, словно призыв, наконец, позвал танцовщиц, одетых в перьевые одеяния и облачные наряды. Они грациозно порхали, не похожие на обычных смертных танцовщиц, а словно небожительницы. В одно мгновение музыка превратилась в чистый звук, разносящийся между небом и землёй, а перед всеми предстало чарующее зрелище процветающей эпохи. Рукава и юбки развевались, как летящие облака, а улыбки и ясные глаза были подобны цветам, отражающим луну. В руках они словно держали время, а под ногами — горы и реки. Каждый поворот тонкой талии был взглядом в прошлое.

Когда мелодия закончилась, музыканты, певицы и танцовщицы по очереди разошлись. В зале воцарилась тишина. Золотой век, подобно цветку эпифиллума, мелькнул и исчез, оставив пробудившихся от сна людей в оцепенении.

«Какая великая мелодия Тан, какой «Танец перьев и радужных одежд»! Ум Фу Гунцзы проявился во всей красе. Чанцзе, заполучив такого супруга, поистине благословлён! Сегодня мы, Ваше Высочество, и все присутствующие, удостоились чести насладиться этим великолепным зрелищем, которое, несомненно, останется в нашей памяти на всю жизнь».

Когда третий принц произнес эти слова, многие присоединились к похвале. Фу Мин улыбался, но его выражение не было ни гордым, ни излишне скромным. Третий принц тайно наблюдал за ним и, увидев его скромность и достоинство, ещё больше проникся к нему уважением.

Жена третьего принца, увидев это, сказала: «Ваше Высочество, ранее стрелявших наградили, теперь господин Фу и исполнители также должны получить награду».

Третий принц засмеялся: «Верно, нужно наградить!»

Награждение исполнителей и артистов было поручено слугам. Третий принц лишь спросил Фу Мина: «Какую награду желает господин Фу? Если бы ваш муж не просил у меня этот цинь, то он был бы лучшей наградой».

Фу Мин подумал, что лучше подчиниться с почтением, чем отказываться, и поэтому с достоинством сказал: «Слышал, что князь Синь любит знаменитые мечи...»

Фу Мин хотел сказать, не мог ли он и Цзинь И получить возможность осмотреть драгоценные мечи из его коллекции, но третий принц, не дослушав его, громко засмеялся: «Хороший цинь — знатоку, знаменитый меч — герою. Прекрасная пара, и хорошие дела должны быть вдвойне. У меня в поместье есть знаменитый клинок по имени Суй Линь, который идеально подходит Чанцзе, так что я дарю его тебе!»

Фу Мин посмотрел на Цзинь И и, увидев, что тот кивнул, понял, что может принять эту награду. Тогда он поклонился в знак благодарности.

Супруга князя Синь, шепнув третьему принцу: «В тот день Ваше Высочество сожалел о генерале Цзинь, но теперь, похоже, это обернулось благословением».

Третий принц взял руку супруги и нежно погладил её: «Будем надеяться».

Когда Фу Мин вернулся на своё место, взгляды, обращённые на него и Цзинь И, не прекращались. Они заметили это, но не обращали внимания. Цзинь И наполнил два бокала вином, он взял один первым, а Фу Мин взял другой, и они оба выпили, проявляя уважение друг к другу.

Когда вино закончилось, третий принц распустил пир, и каждый вернулся в своё жилище.

Летняя погода переменчива. Недавно ещё лунный свет заливал зал, но когда они вышли из него, начался морозящий дождь.

Люй Фэй и Бай Лу уже ждали с зонтами у входа в зал. Увидев своих господ, они поспешили навстречу.

Цзинь И, заметив, что дождь не сильный, велел Люй Фэй и Бай Лу идти вперёд с зонтами. Свой зонт он небрежно отдал одной из певиц, которая ждала, пока дождь закончится. Фу Мин, видя, что он идёт к нему с пустыми руками, понял его намерение, с улыбкой раскрыл зонт и, когда тот подошёл под него, вместе с ним шагнул под дождь.

Мелкий дождь смочил извилистую тропинку и деревья с камнями у дороги, которые в свете фонарей казались влажными и прохладными. Дождь сделал горную ночь ещё тише, а струящийся холодный воздух, окутывающий их, не мог проникнуть из-за тёплого дыхания человека рядом.

Когда они отошли от дворца, в безлюдном месте среди пышных деревьев Цзинь И остановился и крепко обнял Фу Мина. Фу Мин обнял его в ответ, их тела прижались друг к другу, сердца бились в унисон, словно они хотели слиться воедино.

Спустя долгое время Фу Мин сказал: «Сначала вернёмся». Его голос был низким и мягким, но заставил слушателя вздрогнуть.

В павильоне Юньшэн, только что принявший ванну и наспех накинувший нижнюю одежду Фу Мин был поднят Цзинь И, который большими шагами подошёл к кровати и опустил его, и тело Фу Мина погрузилось в расшитое одеяло. Цзинь И прилёг на Фу Мина. Их взгляды встретились, в глазах текла нежность, сердца горели, и они не могли сдержать своего возбуждения.

Цзинь И протянул руку, коснулся бровей и глаз Фу Мина, и нежно, быстро выдохнул: «Чанцзе».

«Хм?»

«Зови меня — Чанцзе».

Фу Мин нежно улыбнулся и позвал: «Чанцзе».

Тихий зов подействовал на Цзинь И словно заклинание, которое мог снять только человек перед ним.

Шум дождя за окнами и дверями был сначала еле слышен, это был лишь слабый шорох, смешанный со стоном неизвестного зверька из леса. Затем дождь усилился, капли стучали по деревьям и крышам с громким звуком, но люди в комнате этого совершенно не замечали. Прохладный, влажный воздух проник внутрь, рассеивая изнуряющий, потный зной...

Облака рассеялись, дождь прекратился. Яркая луна вышла из-за облаков, и её появление разбудило горных птиц.

Под мелодичное щебетание словно потерявший душу Фу Мин очнулся. Он поднял голову с груди Цзинь И, посмотрел на яркую луну, отражающуюся в зеркале, и хриплым голосом сказал: «Есинь».

«Что?»

«Моё второе имя, отец давно мне его дал».

«Есинь?»

«Угу, ясная лунная ночь, чистое сердце. Мне очень нравится это имя».

«Мне тоже нравится». Цзинь И снова крепко обнял того, кто был в его объятиях, его губы коснулись век, и он произнес имя человека самым глубоким и нежным голосом, который когда-либо издавал в своей жизни:

«Есинь».

Ясное, как луна, сердце этой ночи.

—